

Bibliotheca Islamica

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS

B.V. Norik

A Bio-bibliographical
Dictionary of Poetry
in Central Asia
(XVI – first third XVII cent.)

Mardjani Publishing House

Moscow
2011

Bibliotheca Islamica

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ

Б.В. Норик

Библиографический
словарь
среднеазиатской поэзии
(XVI — первая треть XVII в.)

Издательский дом Марджани

Москва
2011

Оглавление

7	ВВЕДЕНИЕ
14	Глава 1. О ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ В МАВЕРАННАХРЕ XVI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII в.
14	§ 1. История изучения литературы Мавераннахра
19	§ 2. Тимуриды и Шибаниды
26	§ 3. Некоторые особенности литературной жизни Тимуридской и Шибанидской эпох
48	Глава 2. БИОГРАФИИ ПОЭТОВ
628	СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ
663	СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ
668	Приложение 1. ПОЭТЫ ИРАНСКОГО И ИНДИЙСКОГО КРУГА, ПОЛЬЗОВАВШИЕСЯ ИЗВЕСТНОСТЬЮ В МАВЕРАННАХРЕ
806	Приложение 2. СВЕДЕНИЯ ОБ ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКАХ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В СПРАВОЧНИКЕ
834	ГЛОССАРИЙ ТЕРМИНОВ И НЕПЕРЕВЕДЁННЫХ СЛОВ
852	УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН И ДИНАСТИЙ
902	УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ СОЧИНЕНИЙ
912	УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ
926	УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И НЕПЕРЕВЕДЁННЫХ СЛОВ
938	УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРОВАННЫХ СТИХОВ
970	УКАЗАТЕЛЬ ХРОНОГРАММ (<i>та'рихов</i>)
973	SUMMARY

Contents

7	INTRODUCTION
14	Chapter 1. ON LITERARY LIFE IN MAWARAANNAHR IN XVI – FIRST THIRD XVII CENT.
14	§ 1. A history of the study of Mawaraannahr's literature
19	§ 2. Timurids and Shibaniids
26	§ 3. Main peculiarities of literary life in Timurid and Shibaniid epochs
48	Chapter 2. POETS'S BIOGRAPHIES
628	LIST OF SOURCES AND LITERATURE
663	ABBREVIATIONS
668	Appendix 1. POETS OF IRANIAN AND INDIAN LITERARY CIRCLES WHO WERE FAR-FAMED IN MAWARAANNAHR
806	Appendix 2. INFORMATION ABOUT MAIN SOURCES USED IN THE DICTIONARY
834	GLOSSARY OF TERMS AND UNTRANSLATED WORDS
852	INDEX OF NAMES AND DYNASTIES
	INDEX OF TITLES
	INDEX OF GEOGRAPHICAL AND TOPOGRAPHICAL NAMES
	INDEX OF TERMS AND UNTRANSLATED WORDS
	INDEX OF CITED VERSES
	INDEX OF CHRONOGRAMMES (<i>ta'rikh</i>)
	SUMMARY

Введение

Столько учёных и поэтов вышли из этой страны, что в иных мусульманских странах не могут указать. Из особенностей земли этой страны ещё то, что из неё, кроме учёных, ничто другое не произрастает, так что знающие люди товаром Мавераннахра считают знание и мудрость.

Вали, с. 76

Долгое время XVI в. в истории среднеазиатской литературы оставался малоизученным. Самые именитые исследователи персидской литературы (органической частью которой тогда была литература Средней Азии) называли Джами (817–898/1414–1492) «последним из могокан», после которого начинается эпоха упадка¹. Тем не менее исследования второй половины XX в. (ведущую роль в которых

¹ См.: [Arberry, p. 396; Browne, 1920, p. 548; Рурка, p. 271–3, 281–6; Ардашникова, с. 105; Занд, с. 213; Никитина]. Иная точка зрения представлена в «Истории персидской литературы» Моррисона, Болдика и Кадкани. Здесь, напротив, утверждается, что называть Джами последним персидским поэтом было бы большой ошибкой. В принципе таковым можно назвать Хафиза. В то же время в постстимуридскую эпоху жили поэты, по мастерству значительно превосходившие Джами (Са'иб, Бахар, Нима Йушидж) [Morrison, p. 133–5]. Известный знаток персидской литературы и культуры А. Зарринкуб считает Джами последним поэтом, в стихах которого отразились принципы предшествующих литераторов. Однако традиция не прервалась навсегда: движение литературного Возрождения в конце Сафавидской эпохи вернулось к этим принципам [Зарринкуб, с. 98]. Интересно, что личность Джами и в Средние века иногда служила своего рода разделителем различных эпох. Так, в антологии 'Ариф Бака'и «Маджма' ал-фузала» первая глава посвящена поэтам от Рудаки до Джами, а вторая начинается с Джами. Правда, здесь последний скорее выступает в роли мощного основания новой эпохи (см.: **Бака'и**). Кроме того, автор антологии «Хайр ал-байан» (см.: **Приложение 2**) памяткой о Джами заканчивает 1-ю главу своего труда, посвящённую предшественникам [ХБ, л. 212а–214б].

играли советские учёные) показали, что литературная традиция в Средней Азии не прервалась: здесь мы находим значительное число культурных деятелей, заслуживающих самого пристального внимания. Это — учёные, врачи, поэты, музыканты, каллиграфы. Любовь к литературе объединяла их, а знание поэтики являлось обязательным требованием в системе образования тех лет. Литература же в средневековых Иране и Средней Азии была преобладающим родом «культурной работы», ставившим остальные виды культурной деятельности в зависимое положение. Поэтому, читая средневековые поэтические антологии (*тазкере*), мы обнаруживаем, что большинство их героев не являются профессиональными поэтами¹, но скорее относятся к категории *адипов*, то есть эрудитов, начитанных людей. Так, врач мог быть прекрасным поэтом, но, правда, профессиональный поэт едва ли мог стать неподражаемым врачом. Учёный, будучи разносторонне одарённым человеком, мог писать великолепные стихи или музыкальные произведения, являясь, таким образом, активным участником культурной жизни города и повышая свой престиж в обществе. Увлечение литературой было тогда всеобщим: стихами можно было выразить всё, начиная с любовного объяснения и заканчивая прошением или нецензурным поношением. За удачный экспромт могли простить пролитую человеческую кровь, могли озолотить и возвысить. Литература была и средством пропаганды, и способом выражения своих мыслей и эмоций. Поэтому изучение среднеазиатской литературы является важным шагом на пути воссоздания историко-психологического портрета среднеазиатского общества эпохи позднего Средневековья.

Эта книга представляет собой опыт библиографического словаря среднеазиатских поэтов-*адипов* XVI — первой трети XVII в. Как было отмечено выше, далеко не все они были профессиональными поэтами. Однако нас здесь эти *адипы* интересовали в первую очередь с точки зрения их литературной деятельности, отражённой в поэтических антологиях (*тазкере*), положенных в основу настоящего справочника. Не все эти культурные деятели были одинаково талантливы, не все они оставили неизгладимый след в истории литературы. Но всё же они некогда существовали и оказались увековеченными в той или иной поэтической антологии. Безусловно, на отбор персонажей для антологии влияли личные вкусы и отношение автора, иногда конъюнктурные соображения, а порой и обычное

¹ В этой связи интересно замечание автора антологии «Хайр ал-байан» о том, что не в обычае авторов *тазкере* упоминать о поэтах, не составивших *диваны*, написавших мало стихов или не пользовавшихся известностью [ХБ, л. 276а]. Надо сказать, что это «правило» повсеместно нарушалось, в том числе и самим автором упомянутой антологии. См. также: [Szuppe, p. 100–1].

сострадание к наивным стараниям горе-литератора. Так, один из ярких образчиков работы придворного составителя *тазкере* даёт 'Абд ал-Баки Нехаванди (عبد الباقي نهباندى), автор известной истории-антологии «Ма'асир-е Рахими» (مآثر رحیمی)¹, составленной в 1025/1615 г. в честь 'Абд ар-Рахима Хан-е Ханана (см.: **Рахим**). Нехаванди активно пользовался библиотекой покровителя, в которой хранились листочки со стихами тех или иных поэтов или *адибов*: автографы либо записанные третьими лицами. Иногда и сам автор не мог толком понять, о ком идёт речь, особенно если он не встречался с этим человеком лично. Так было, например, в случае с поэтом Сайди (صیدی): по замечанию Нехаванди, в Индии в то время жили три-четыре Сайди, а никаких дополнительных сведений об этом известно не было, поэтому автор антологии был вынужден атрибутировать стихи как принадлежащие «некоему Сайди» [МР, с. 1375]. Далее, в памятке о Бахадуре (بهادر) Нехаванди пишет, что во время составления его сочинения в библиотеке Хан-е Ханана обнаружилась *газаль* этого поэта. По мнению автора «Ма'асир-е Рахими», она не заслуживала помещения в антологию. Однако, поскольку *газаль* была написана в прославление Хан-е Ханана, а сам Бахадур причислял себя к его *маддахам*, то не поместить её в книгу, посвящённую этому сановнику, было бы делом неблагородным. Так что, как сказал поэт Хаким Рукна Каши (см.: **Масих**):

اندر خزینه باید هم لعل و هم رخام و اندر دفینه باید هم تَر و هم صدف

В сокровищнице быть должны и лал, и мрамор²,
А в кладе быть должны и жемчужина, и раковина!
[МР, с. 1378–9]

¹ 'Абд ал-Баки Нехаванди (род. 978/1570) был по происхождению курдом из местечка Джулак (جولک) близ Нехаванда. В начале своей карьеры он состоял в налоговом ведомстве, дослужившись в конечном счёте до *вазира*. Впоследствии впал в немилость и уехал в Индию, где поступил на службу к 'Абд ар-Рахиму Хан-е Ханану (см.: **Рахим**), по заказу которого и составил «Ма'асир-е Рахими». Труд разделён на Введение (*мукаддаме*), 4 главы (*фасл*) и Заключение (*хатеме*). Введение и главы посвящены Хан-е Ханану, его предкам и потомкам. В Заключении же, разделённом на 3 части (*кесм*), автор помещает сведения об учёных (1-я часть), поэтах (2-я часть), военачальниках и деятелях искусства (3-я часть). Азад Билграми в «Хазане-йе 'Амере» сообщает, что в Хайдарабаде видел объёмную рукопись «Ма'асир-е Рахими» с авторскими пометами на полях, однако на момент завершения его антологии её уже не было [ТН, с. 124–5; Хазане, с. 192; Ма'ани, Тарих 2, с. 746–56; Хайампур, с. 78; Ivanow, 1924, p. 43–4; Storey, 1939, p. 552–3; Bosworth C.E. Nehawandi // EI].

² Судя по всему, здесь автор имеет в виду не собственно мрамор, но либо фостеритовые жилы, которые Бируни описывает как «белый камень, по цвету похожий на мрамор, но мягкий и рыхлый» и которые являются предвестником близкого залегания лала, либо оболочку из серпентина (по Бируни — «белого камня, похожего на горный хрусталь»), в которой непосредственно находится лал [Бируни, 1963, с. 75–6; Бубнова, с. 130–2].

Или, например, Нехаванди откровенно пишет, что, не обладая никакими сведениями о Нахри (نهری), он поместил его в антологию *بجهت ماندن نام مومی الیه در سلك مداحان و هواخواهان این سپه سالار* — «ради того, чтобы имя его осталось в ряду панегиристов и приверженцев сего военачальника» [МР, с. 1380–4].

Для данного справочника мною были выделены три *тазкере*, являющиеся, на мой взгляд, базисом для реконструкции историко-литературного процесса в Мавераннахре XVI — первой трети XVII в. Это — «Музаккер-е ахбаб» Хасана Нисари, «Тазкират аш-шу'ара» и «Та'рих-е Джахангири» Мутриби Самарканди (сведения об основных использованных источниках помещены в **Приложении 2**). Ценность их заключается в том, что они написаны непосредственными участниками тех событий, которые в них излагаются. В этих источниках упоминается более шестисот *адибов*, так или иначе участвовавших в литературной жизни Мавераннахра той эпохи. Таким образом, наши базовые источники позволяют восполнить лакуну, существовавшую в истории среднеазиатской литературы XVI — первой трети XVII в. Теперь этот период уже нельзя назвать белым пятном в истории литературы Мавераннахра. Под вопросом оказывается и аттестация рассматриваемой эпохи как периода упадка персидской литературы. Эти источники дают нам значительное число имён, заслуживающих пристального внимания: **Бина'и, Хелали, Мушфики, Амини Хийабани, Нахли, Тураби** и др. Эти люди общались между собой: ссорились, мирились, дружили, враждовали. Они жили. И эта жизнь отразилась в их творчестве. Фрагменты их биографий и поэтических опусов, заключённые в наших антологиях, являются нитями, из которых создаётся общее полотно функционирования литературных кругов Мавераннахра избранной автором эпохи.

Разумеется, упомянутые антологии не дают полной картины литературной деятельности в Мавераннахре тех лет, однако прочный фундамент для её создания, несомненно, закладывают. В то же время автор стремился привлечь максимально возможное число доступных ему источников для уточнения сведений о той или иной персоне.

В название данной работы вынесено географическое название «Средняя Азия». При этом с первых же строк читатель встречает слова «Мавераннахр», «литература Мавераннахра». И это не случайно. Ведь в те времена жители Самарканда, Бухары и других городов не знали, что они живут в Средней Азии (этот термин появился в XIX в. и в различные периоды трактовался по-разному). Та территория, которую мы привыкли называть Средней Азией

(в последнее время большую популярность приобрёл термин «Центральная Азия»), прежде была разделена на несколько регионов, наиболее крупными из которых были Мавераннахр и Туркестан. Мавераннахром (досл.: то, что за рекой, ما وراء النهر) в строгом смысле называли междуречье Амударьи и Сырдарьи, и в любом случае данный термин уже термина «Средняя Азия» (подробнее см.: [Джандосова, с. 7–8; Ислам 1, с. 102–5]). Однако избранные мною базовые источники дают основания для более широкого понимания термина «Мавераннахр» и отождествления его с термином «Средняя Азия». Дело в том, что литературная жизнь Ташкента, Сайрама, Балха и ряда других городов, традиционно не относимых к Мавераннахру, тяготела и даже находилась в зависимости от «Заречья». Именно поэтому очень трудно математически точно отнести того или иного культурного деятеля к определённому городу. Он мог родиться в Балхе, учиться и прославиться в Самарканде и закончить свои дни в Индии или Иране¹. В те времена поэты и учёные весьма интенсивно перемещались по всему мусульманскому миру в поисках славы и заработка, а иногда просто гонимые волею обстоятельств. С литературной точки зрения в XVI в. можно выделить три основных ареала бытования персидской литературы, имеющих свои особенности и стили: Иран, Мавераннахр и Индия (Хорасан, в Тимуридскую эпоху тяготевший к Мавераннахру, при Шибанидах довольно быстро вошёл в сферу влияния Западного Ирана, именуемого в источниках тех лет «Ираком»). Так вот здесь термин «Мавераннахр» с точки зрения литературной истории несколько шире географического понятия. Именно поэтому в данной работе периодически будут встречаться оба термина (причём «Мавераннахр» — в основном в цитатах или пересказе источников).

Подобно тому, сколь непросто удержаться в строгих географических границах одного региона, столь же трудно соблюсти и хронологические рамки, указанные в заглавии справочника. Ведь *тазкере* — это связь поколений, звено между прошлым и будущим. С одной стороны, здесь упоминаются старые поэты, с другой — поэты начинающие, ничем не заметные, о которых написано две-три строчки. Но именно они и составляют славу будущего и становятся главными действующими лицами последующих поэтических антологий.

В данном исследовании принята упрощённая транскрипция с минимальным количеством диакритических знаков. *Фатха* будет

¹ Так, например, о поэте Муджреми (مجرمی) Фахри Харави пишет, что тот был уроженцем Герата, но большую часть времени проводил в Мавераннахре [МН, с. 169]. См. также: **Бина'и** и т.п.

передаваться гласной *a* (изредка — *я*), *кесра* — гласной *e*, а в начальном варианте — *и* или *э*; *дамма* — гласной *у*. Буква *э* передаётся значком ‘, а *е* — значком ’ (в конце слов зачастую не учитывается); персидский *изафет* — гласной *e*; сочетание *خو* будет передаваться как «хо»; в словах тюркского происхождения в суффиксах, подобных *میش, بیش*, арабской букве *ی* будет соответствовать гласная *ы*. Конечному немому *о* будет соответствовать гласная *e*. Из этих правил будут исключения (например, для некоторых устоявшихся форм, а также арабских названий). При первом упоминании малоизвестного имени или названия (если им не посвящено отдельной статье) в скобках будет даваться его оригинальное написание (как правило, в том виде, в котором оно приводится в источнике; это же относится и к цитации стихов¹). В целом ряде совершенно очевидных случаев автор позволил себе заменить *ک* на *گ* и *چ* на *ج*. В то же время некоторые географические названия будут использоваться в традиционном написании, принятом в картографии.

Названия источников в ссылках, как правило, даются в сокращении (см.: **Список сокращений**), за исключением тех, которые автору не удалось найти, и он цитирует их по другим изданиям.

Заметим, что такие титулы, как *ходжа*, *малик*, *амир*, *хафиз* и т.п. нередко будут писаться с прописной буквы (без курсива), превращаясь таким образом в часть имени, поскольку, как представляется, они нередко становились неразлучными спутниками имени той или иной персоны и служили своего рода опознавательным знаком, отличающим одно действующее лицо с распространённым именем от другого (особенно в случае отсутствия *нисбы* или каких-либо характерных прозвищ).

Словарные статьи, посвящённые поэтам, расположены в алфавитном порядке (кириллица) по *тахаллусам* или именам (если *тахаллус* установить не удалось). В самих статьях сначала даётся биография поэта, составленная по материалам доступных автору источников, а затем приводятся образцы его творчества (за исключением случаев, когда стихи вплетаются в биографическую канву). Надо сказать, что автор настоящего справочника не всегда цитирует стихи тех или иных *адибов*: например, в случае, когда в *газали* отсутствует *макта*¹ (а приводить её было правилом хорошего

¹ В этой связи читатель не всегда сможет найти, например, *мадду* над *алефом* (графема ¹ в большинстве случаев в именах собственных будет транскрибироваться как *a*, но во время передачи персидских слов и выражений в комментариях к переводам — как *o*).

тона, даже если цитируется только два *бейта* из всей *газали*¹) или же когда *газаль* совершенно неоригинальна. Не приводятся *касиды* (в силу их большого объёма) и «искусственные» стихи (разумеется, из этого правила тоже есть исключения). При цитации стихов предпочтение отдаётся тем образчикам, которые содержатся в поэтических антологиях (или в поэтических сборниках), поскольку они дают представление о популярности того или иного стихотворения, так сказать, визитную карточку, по которой поэт опознавался в том или ином регионе. В случае, если доступен *диван* того или иного поэта, предпочтение отдаётся стихам, помещённым в антологиях, поскольку последние свидетельствуют о востребованности конкретных произведений или зачастую отрывков из них (либо уже сформировавшейся, либо приобретённой впоследствии благодаря антологии). Ведь нередко поэты или *адибы* оказывались известными за один-два *бейта* (периодически в источниках встречается клише «такой-то такой-то, автор следующих строк»): не случайно *газали* редко цитируются целиком — как серьёзный комплимент воспринимаются слова авторов антологий о том, что «*газали* такого-то поэта прекрасны от начала и до конца».

Имена *адибов*, которым посвящены отдельные статьи, в тексте справочника выделяются жирным шрифтом (исключение составляют имена авторов наиболее часто упоминаемых базовых антологий — Нисари и Мутриби). Ссылки на источники, как правило, приводятся в конце памятки. Здесь же даётся перечень доступных автору справочников и монографий, в которых упомянута данная персона (ссылки даются блоками²: сначала источники, потом справочники, затем каталоги рукописей и монографии).

В заключение считаю своим приятным долгом выразить огромную благодарность [О.Ф. Акимушкину] за ценные научные консультации, а также возможность воспользоваться редкими книгами из его личной библиотеки. Хочется также выразить свою признательность П.В. Башарину, Ю.А. Иоаннесяну, А.И. Колесникову и А.А. Хисматулину, внимательно ознакомившимся с рукописью книги и сделавшим целый ряд серьёзных замечаний и тонких наблюдений.

¹ В большинстве случаев в наших базовых антологиях *газали* приводятся в пятибейтовом варианте (судя по всему, это традиция, хотя и отражённая не во всех *тазкере*). Сколько же *бейтов* было в оригинале, зачастую едва ли возможно установить.

² Ссылки располагаются в алфавитном порядке (поблочно). Исключение нередко составляет последовательность аббревиатур ТШ и ТД. Это объясняется тем, что «Тазкират аш-шу'ара» (ТШ) была написана гораздо ранее «Та'рих-е Джахангири» (ТД).

Summary

This book presents a first attempt to introduce a bio-bibliographical dictionary of mainly persian-speaking poets of Central Asia in XVI – the first third of XVII century.

The XVI century in the history of Central Asia's literature for a long time remained little studied. The most outstanding researchers considered Abd al-Rahman Jami (817–898/1414–1492) the last of Mohicans after whom a decadence epoch started. Nevertheless the studies of the second half of the XX cent. (the primary role in which played soviet researchers) showed that the literary tradition in Central Asia didn't discontinue. There we can find a substantial number of cultural figures worth intent attention: they are scholars, physicians, poets, musicians, calligraphers. Love for literature joined them and knowing poetics was an obligatory requirement in the educational system of that time. As for literature it was the prevailing type of "cultural work" in the middle age Iran and Central Asia. So while reading anthologies of persian poetry (*tadhkiras*) we can find that most of their heroes are not professional poets but rather they are *adibs*, erudite and well-read persons. A scholar being a polymathic person could write excellent verses or musical compositions: in this way he was an active participant in the cultural life of his city and enhanced his prestige in the society. The love for literature was total in those times and one could express everything with verses. An apt improvisation could even become a cause for crime to be forgiven. Literature was both an instrument of propaganda and a mean to express thoughts and feelings. So studying literature of Central Asia is an important step on the way towards creating historical and psychological portrait of late medieval society in that region.

At the same time from the statements of some historical sources we know that there was a special literary style in Mawaraannahr of that period. In my opinion based on some examples included in the present dictionary this style is typologically close to so called "indian style" in persian literature (we can establish the fact that a special technical figure *iham*, which is so characteristic of "indian style", was very popular in Mawaraannahr in XVI–XVII cent. and there was a tendency to express a lot of sense in few words). The detailed study of "mawaraannahr style" is a distance in the future but the present dictionary could become very helpful for the accomplishing of this task.

As a source skeleton for the present dictionary three *tadhkiras* were chosen which in my opinion are the basis for the reconstruction of literary process in Mawaraannahr in XVI – first half of XVII cent. These are

Mudhakker-e ahbab by Hasan Nithari, *Tadhkirat al-shu'ara* and *Ta'rikh-e Jahangiri* by Mutribi Samarqandi. The value of the sources lies in the fact that they have been written by immediate participants in the events to be mentioned in them. Over 600 *adibs* who more or less took part in the Mawaraannahr's literary life have been mentioned in these *tadhkiras*. So our base sources allow to fill a gap in our knowledge of Mawaraannahr's literature during XVI – first third of XVII cent. Now we can't designate this period as a "blank spot" in the literary history of Mawaraannahr. The attestation of the epoch as "a period of decline" in persian literature becomes questionable. Our sources give us a substantial number of names which are worth of notice such as Helali, Mushfiqi, Amini Khiyabani, Nakhli, Turabi, Vasefi, Ibn-e Yamin Shebergani, Khurrami, Marwi, Sadeqi and others. These people communicated with each other: quarreled and became reconciled with one another. They lived. And this life became reflected in their works. The fragments of their biographies and poetical works which were inserted in our anthologies are the threads to create a big carpet of Mawaraannahr's literary life functioning during XVI – first third XVII cent.

There is no doubt that the abovementioned anthologies don't give the full picture of literary activity in Mawaraannahr in that period. So the author tried to use the highest possible number of available auxiliary sources as well (for example, *Khayr al-bayyan* by Malik Shah Husain Sistani, *Majma' al-shu'ara'-ye Jahangirshahi* by Qati'i Harawi, *Tuhfat al-surur* by Darwish-'Ali Changi, *Muhit al-tawarikh* by Muhammad-Amin Bukhari, *Musakhkhir al-bilad* by Muhammad-Yar b. 'Arab Qatagan and others). At the same time the author used a lot of poetical anthologies (*majmu'as*, *jungs*, *bayyazes*) from the manuscript collection of the Institute of Oriental Manuscripts (former Saint-Petersburg branch of the Institute of Oriental Studies) to find examples of poetical works of our *adibs*. The total amount of sources used in the dictionary is 90 including 45 manuscripts (41 manuscripts from the collection of the Institute of Oriental Manuscripts, 1 manuscript from the collection of the Saint-Petersburg University and 3 manuscripts from foreign collections).

The dictionary consists of introduction, two chapters, two appendixes, glossary and indexes. The first chapter is divided into 3 paragraphs: the history of scientific studying of literature in Mawaraannahr, historical underground of literary life and peculiarities of literary life during timurid and shibanid epochs. The second chapter represents a main bio-bibliographical frame of the dictionary (493 articles). There are 84 biographical articles in Appendix I which dedicated to some poets of indian and iranian literary circles who were

well-known in and in one way or another connected with Mawaraannahr of that period. Appendix II provides short information about main sources used in the dictionary. There are 6 indexes in the dictionary: apart from traditional ones we would mark an index of the cited verses and an index of chronograms (*tarikhs*). The last two indexes aim to help a researcher in attributing the verses which goes in narrative sources without their authors' names. The verses in these indexes are arranged according to their rhymes (*radifs* are not taken into consideration).

The biographical articles are arranged in Cyrillic alphabet order according to poetical names (*takhallus*) or personal names (if *takhallus* not found). Inside the articles first the biography is given and then go the author's verses (save the verses are "plaited" into biography). The author of the dictionary not always cites all available verses of an *adib*. The verses are not cited if there is no a *maqta'* or *ghazal* is not representative at all. The *qasidas* and so called "artificial" verses are not included in the dictionary: the former because of their huge volume and the latter because of their excessive refinement (indeed there are some exceptions from this rule). While citing verses the preference is given to ones from poetical anthologies (*tadhkiras*) or poetical collections (*majmu'as*, *bayyazes*, *jungs*) because they witness the popularity of a verse giving so to speak "a visiting card" by which a poet was recognized in a region (not infrequently a poet or an *adib* became famous just for one or two *bayts* and it was said: "he is a person who wrote the following lines..." or "the *ghazals* of this poet are beautiful from the beginning to the very end" and the last phrase was a real compliment). The number of *adibs* with the *divans* survived is not so much that's why the role of our anthologies in preserving literary heritage of Mawaraannahr in XVI–XVII cent. increases. The names of *adibs* to whom a separate article is dedicated are given in a bold type in the text of the dictionary (except most frequent names of Mutribi and Nithari). References to the sources are usually given in the end of an article along with a list of available reference books, catalogues of manuscripts and monographs.

The substantial number of poet-*adibs* mentioned in the dictionary are little known to the wide range of researches. At the same time biographies of some well-known poets are given in more details (for instance the "literary" side in the activity of some politicians such as Kulbaba Kukeltash, Hajji-bey and others is mentioned). Besides biographies are accompanied by examples of poetical works of our authors in Persian, Turki and Arabic (in descending order: there are only two verses in Arabic). These poetical examples for the most part have not been published. So the dictionary may be used as a reading-book on the history of literature in Central Asia as well.